

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.18>

Егорова Ольга Арсеновна

СВОЕОБРАЗИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ АРХАИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В МАГИЧЕСКУЮ СИЛУ ИМЕНИ В БРИТАНСКИХ СКАЗКАХ

В статье рассматриваются фольклорные сюжеты, связанные с архаическими верованиями в магическую силу имени. Автор работы раскрывает специфику их воплощения и трансформации в британских сказках. Впервые в отечественной и зарубежной науке анализируются мифологические истоки этих воззрений от их появления в древности до использования в сказках. Делается вывод о том, что мифологические представления о значении имени были восприняты и обработаны британской сказочной традицией, послужили важной темой многих сюжетов. Отмечается, что народный вымысел подверг существенной ревизии принципы, характерные для мифопоэтической картины мира, стал предостерегать от устаревших практик, представляя их как трагикомический гротеск.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 85-88. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**F. M. KLINGER'S DILOGY ABOUT MEDEA:
AT THE INTERFACE OF "STURM UND DRANG" AND LATE ENLIGHTENMENT**

Gladilin Nikita Valer'evich, Doctor in Philology, Associate Professor
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow
nikitagl@inbox.ru

F. M. Klinger's dramatic diology "Medea in Corinth" (1786) / "Medea in the Caucasus" (1791) radically modernizes the traditional mythological story, combining the titanism of "Sturm und Drang", sentimentalistic psychologism and scepticism of late Enlightenment. The diology is also contradictive to the contemporary doctrine of Weimar classicism and ideology of the French Revolution proclaiming belief in moral potential of human nature and vast opportunities for aesthetic education. The author shows that the diology introduces a myth version, which emphasizes personality origin. Moreover, personality is considered in the integrity of social and psychological features.

Key words and phrases: F. M. Klinger; myth about Medea; "Sturm und Drang"; sentimentalism; late Enlightenment; Weimar classicism; psychologization; scepticism; personality origin.

УДК 82.0

Дата поступления рукописи: 24.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.18>

В статье рассматриваются фольклорные сюжеты, связанные с архаическими верованиями в магическую силу имени. Автор работы раскрывает специфику их воплощения и трансформации в британских сказках. Впервые в отечественной и зарубежной науке анализируются мифологические истоки этих воззрений от их появления в древности до использования в сказках. Делается вывод о том, что мифологические представления о значении имени были восприняты и обработаны британской сказочной традицией, послужили важной темой многих сюжетов. Отмечается, что народный вымысел подверг существенной ревизии принципы, характерные для мифопоэтической картины мира, стал предостерегать от устаревших практик, представляя их как трагикомический гротеск.

Ключевые слова и фразы: генезис фольклора; британские сказки; архаические верования; магические воззрения об имени; мифологические существа; фейри.

Егорова Ольга Арсеновна, к. культурологии, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
egorovaolga29@mail.ru

**СВОЕОБРАЗИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ АРХАИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ
В МАГИЧЕСКУЮ СИЛУ ИМЕНИ В БРИТАНСКИХ СКАЗКАХ**

Фольклорные сказки как одно из главных средств сохранения и ретрансляции базовых представлений социума об окружающем мире играют важную роль в передаче мифологических и магических верований людей. Изучение наиболее древних взглядов, которые в современном мире оказываются встроены в религиозную и научную картины мира, представляется чрезвычайно актуальным, так как позволяет понять глубинные мотивации человека, особенности его мироощущения и миропонимания. Анализ мифологических воззрений в фольклорных произведениях, отражающих универсальные ценности и национальные особенности, способствует диалогу культур, налаживанию дружеских отношений между странами.

Для магического сознания мир един, и не существует различий между абстрактным и конкретным, людьми и природой, нормальным и паранормальным. В значительной степени эти идеи и принципы стали лейтмотивом сюжетов многих британских сказок [2]. В то же время в ходе исторического развития волшебная парадигма претерпела серьезную трансформацию, сказочные сюжеты эволюционировали под влиянием национальной поэтической традиции и вымысла, многие предметы, понятия, волшебные помощники приобрели оригинальные магические свойства.

Очевидно, что вопрос возникновения и развития фольклора, в частности, происхождение волшебных представлений в сказках, является комплексной проблемой, которая не может быть решена в масштабах одной статьи. **Целью** настоящего исследования является изучение своеобразия, генезиса и эволюции верований в магическую силу имени в британских сказках. Кроме того, для глубины и скрупулёзности научного анализа представляется необходимым раскрыть исторические предпосылки архаических принципов, определить их значимость для людей в прошлом. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной науке рассматривается парадигма взглядов на сверхъестественное значение имени в британском фольклоре, проводится их сопоставление с традициями мифологической картины мира, мифопоэтического сознания.

Обратимся к вопросу возникновения магических воззрений об имени и попытаемся выяснить, какую роль они играли в жизни социума и человека. Ученые указывают на тот факт, что имя традиционно рассматривалось как ключевой магический инструмент. Так, Н. Б. Мечковская в работе «Язык и религия»

указывает на то, что «одна из фундаментальных особенностей мифопоэтического сознания состоит в отождествлении имени и вещи. Имя представлялось загадочной сущностью вещи: знать имя означало иметь власть над тем, что названо; произнести имя, назвать по имени – могло означать создать, оживить, погубить, овладеть» [3, с. 56]. Выдающийся английский этнограф Дж. Фрэйзер убедительно показывает, что в архаических обществах считалось, что «связь между именем или лицом или вещью, которое оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материальными осязаемыми узлами, соединенными столь тесно, что через имя магическое воздействие оказать на человека легко... Первобытный человек считает свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем надлежащую заботу» [7, с. 119]. В словаре английского фольклора [11] и в мифологии Британских островов также приводятся многочисленные свидетельства о вере людей, проживавших на территории Великобритании, в магическую силу имени [8]. В частности, говорится о том, что существовала традиция сохранять имя ребенка в секрете до крещения, чтобы уберечь его от сглаза и магического воздействия злых чар: "...there was a fairly widespread disinclination to mention the baby's name before the christening; it might even be kept secret. Most references imply that... it could give ill-wishers a chance to harm the baby magically" [11, p. 132]. / «Существовала довольно распространенная традиция не упоминать имя ребенка до его крещения; имя даже могли держать в секрете. Большинство источников подразумевают, что это могло бы дать недоброжелателям шанс навредить ребенку магическим образом» (здесь и далее перевод автора статьи. – *О. Е.*)

С древними магическими идеями связано то значение, которое придается выбору имени новорожденного ребенка в современных культурах. Истоки внимательного отношения к имени кроются в архаической традиции, когда человек пытался защитить свое дитя от сглаза, порчи, влияния злых существ. Поэтому «истинное имя» ребенка могли хранить в секрете, давать «кличку» животных или растений, нарекать «худым именем», как бы скрывая истинную ценность человека от ревнивых и завистливых духов. Одновременно имя могло выступать как средство защиты ребенка от злых духов. По словам Н. Б. Мечковской, «нередко имя выступало как оберег, то есть как амулет или заклинание, оберегающие от несчастья» [3, с. 98].

Логику магического воздействия можно понять на конкретных примерах. Дж. Фрэйзер в своих научных работах приводит множество доказательств существования магических представлений, рассматривает причины их возникновения и принципы влияния на людей и окружающий мир. Так, согласно законам контактной магии, предметы, которые однажды соприкоснулись, будут сохранять некоторую связь вне зависимости от времени и пространства даже после прекращения всякого взаимодействия [4, с. 18].

Древний человек полагал собственное имя неотъемлемой частью своего не только духовного, но и физического «Я». Например, индейцы Северной Америки не видели разницы между раной, нанесенной телу или органам, и оскорбительным отношением к их имени, считая второе даже более опасным и пагубным. Из этой веры происходило много интересных традиций: в зрелом возрасте эскимосы часто меняли свое имя на новое, стремясь получить дополнительные жизненные силы. Интересный обычай существовал среди племен, проживавших в Центральной Австралии, где каждый человек имел два имени: одно – обычное, которое предназначалось для ежедневного употребления и было известно всем, второе – тайное или сакральное, которое он получал от узкой группы посвященных старейшин. Тайное имя использовалось в особенно важных ритуалах, а его разглашение являлось грубым нарушением племенного устава и даже преступлением [7].

Древние египтяне, которые находились на гораздо более высоком уровне цивилизационного развития, чем племена Центральной Австралии или эскимосы, тем не менее тоже были подвержены страху огласки их имен. Для защиты от демонических сущностей древние египтяне имели два имени: истинное имя (или большое имя) – его было необходимо сохранять в тайне, и доброе имя (малое), которое использовалось повсеместно. Особенно опасным считалось называть человека по имени, если он находился в месте обитания злых духов: в удаленных мрачных местах или по берегам ручьев, рек или водопадов [6].

Очевидно, что если имена обычных людей в древних обществах имели такую символичность, то особое внимание и значение уделялось именам служителей культа, правителей и богов. Большое развитие данные представления получили в Древнем Египте: считалось, что, узнав истинное (большое) имя бога, можно было получить полный контроль над этим всемогущим существом и заставить его подчиниться [1].

В наиболее развитой цивилизации прошлого – Древнем Риме – вера в особое значение божественных имен была широко распространена. Известно, что имя бога, который являлся защитником и покровителем Рима, содержалось в строгом секрете, так как в противном случае враги вечного города могли дарами и жертвоприношениями переманить его на свою сторону. Кроме того, настоящее имя самого города Рима до сих пор опутано загадками: его использование было запрещено даже в ходе сакральных ритуалов [5].

Таким образом, магические воззрения были тесно переплетены с жизнью людей в прошлом. Мифологическая картина мира характеризовалась высоким уровнем идейного синкретизма, основывалась на реальности и не была абстрактной конструкцией. Заклинания и обряды выступали инструментами взаимодействия людей с окружающим миром, природой, стихиями. Эти верования и идеи отчетливо прослеживаются в фольклорных произведениях, в частности, в сказках, в которых чудесный вымысел и сюжетная основа связаны с представлениями о магии и колдовстве.

Проанализируем, как идеи о магической силе имени отражаются и эволюционируют в британском фольклоре. Как показывает исследование, многие сказочные сюжеты содержат мотивы, связанные с колдовским воздействием на персонажей и трансформацией окружающего мира. Часто ключевым драйвером повествования британских сказок выступают магические манипуляции героев с волшебными средствами, предметами,

помощниками. При этом имена героев наполнены чудесным смыслом и значением и выполняют важнейшую роль в развитии сюжетного действия.

Так, в английской сказке “Nix Nought Nothing” («Ничто-ничего») король находится в далеком путешествии, когда у него рождается сын. Королева принимает решение не крестить ребенка и не давать ему имени до возвращения главы семейства, поэтому наследника престола временно называют Ничто-ничего: *The queen would not christen the boy till the king came back, and she said, “We will just call him Nix Nought Nothing until his father comes home”* [9, p. 78]. / Королева не собиралась крестить ребенка до возвращения короля и сказала: «Мы просто будем называть его Ничто-ничего, пока его отец не вернется домой».

На пути домой король сталкивается с непреодолимой преградой – широкой и полноводной рекой. Неожиданно появляется великан. Он готов помочь королю перебраться на другой берег и просит взамен большую услугу – отдать ему Ничто-ничего. Король с удовольствием соглашается, так как не знает, что это и есть имя его ребенка. Лишь попав в замок, отец понимает, что теперь великану будет принадлежать его единственный сын.

В этом сюжете отражаются несколько важных представлений о смысле имени: во-первых, королева осознает всю значимость имени и не может сделать такой серьезный выбор без короля, во-вторых, имя «Ничто-ничего» является примером «худого имени», которое служит цели маскировки и непривлечения внимания, и, в-третьих, сказочное повествование, рефлексивная более архаическая традиция, показывает её несостоятельность как приводящую к драматическим и негативным последствиям.

В известной английской сказке “Tom Tit Tot” («Том Тит Тот») молодая девушка заключает сделку с хитрым эльфом. Он соглашается выручить её и выполнить непосильную для обычного человека задачу: ежедневно на протяжении месяца прясть по пять мотков шерсти в день. Однако предлагаемая помощь не бескорыстна: героиня по прошествии срока должна оказаться в полной власти эльфа, если только не отгадает его имя. Девушке везет, и благодаря удачному случаю она узнает имя сказочного персонажа, которое действует как магическое заклинание и дарует свободу, отправляя эльфа в мир духов:

“Name me, name me not, / Your name is Tom Tit Tot”.

And you never heard such a shriek as that small, little, black Thing gave out. Its tail dropped down straight, its feet all crumbled up, and away That flew into the dark and she never saw it again [Ibidem]. /

«То зовет, то не зовет, / Твое имя Том Тит Тот».

И вы никогда не слышали такого вопля, который издало это маленькое, малюсенькое черное существо. Его хвост просто отвалился, ноги сжались и рассыпались. Оно улетело в темноту, и она его больше никогда не видела.

В этой сказке архаические представления о силе «истинного» имени богов, духов, волшебных существ трансформируются и находят отражение в буквальном исчезновении эльфа при упоминании его тайного имени. Таким образом, для эльфа имя является некоторым магическим оберегом, предметом его силы и способом связи с реальным миром.

Рассмотрим еще один сказочный сюжет, в котором знание имени противника – залог не только личного спасения героини, но и освобождения её единственного сына от злых чар. Так, в валлийской сказке “Carys Nant Carfan” («Керис Нан Карфан») хитрая фея превращается в благородную даму и помогает в сложной ситуации юной девушке Керис, которая по своей неосторожности обещает все, что угодно, в благодарность за услугу. Фея приказывает отдать ей сына, а единственный способ совладать с волшебным существом – выяснить «истинное» имя феи в течение трех дней. Керис, узнав от ведуньи способ побороть фею, идет ночью в лесную чащу. После трех ночей скитаний героиня находит нужное место и ей улыбается удача: сказочное существо во время ритуального танца в волшебном кругу использует свое имя для произнесения заклинания. Интересно, что сообразительная Керис на следующий день не спешит праздновать победу и сразу называть имя, а делает вид, что пытается отгадать его. Однако, как только девушка произносит настоящее имя, фея, имевшая облик красивой и благородной женщины, превращается в ужасное зеленое существо, лишенное всякой магической силы:

Carys stroked her chin and looked up at the sky as if she were thinking very hard. ‘Bety’ she said. / ‘No.’ / Carys thought some more. ‘Marged?’ / ‘No.’ / ‘Nia, or Sian, may be?’ / The lady’s smile grew colder. ‘No and no.’ / ‘Bethan or Lowry? Loty? Nety? Mair?’ / ‘No, no, no and no and no again!’ / ‘One more try then, just for luck.’ She looked the lady straight in the eye and whispered, ever so slowly: ‘Sily Go Dwt!’ [10, p. 167]. / Керис потрогала подбородок и посмотрела в небо, как будто сильно задумалась. «Бети», – сказала она. «Нет!» Керис еще подумала: «Марджид?» «Нет!» «Ниа или Сиан, может быть?» Улыбка дамы стала холоднее: «Нет и нет!» «Бетан или Лоури? Лотис? Нетис? Мэир?» «Нет, нет, нет и нет, и еще раз нет!» «Еще одна попытка, просто неудачу». Она посмотрела прямо в глаза и очень медленно прошептала: «Сили Гоу Дут!»

Фольклорное повествование переплетено с магическими идеями о силе имени: фея использует его как часть заклинания, как один из важнейших ингредиентов колдовского воздействия; настоящее имя феи содержится в тайне, а его разглашение лишает злое существо всех чудодейственных чар. Керис не называет имя феи сразу, а ведет искусную игру, стараясь усыпить бдительность противника. Только в конце, в самый кульминационный момент, героиня произносит магическое слово как заклинание: медленно, завораживающе тихо, глядя прямо в глаза феи.

В сказке отражается вера в то, что имя является полным и реальным отражением сущности человека или любого другого создания, поэтому, когда настоящее имя произнесено, все маски оказываются сброшены и обман невозможен – вместо благородной дамы перед нами предстает безобразная жаба.

В шотландской сказке “The fairy wife” («Жена-фейри») молодой фермер влюбляется в озерную деву, похищает ее и запирает в собственном доме. Фейри соглашается стать женой юноши при одном условии: он должен отгадать её имя. Это оказывается сложной задачей, однако фермер проявляет настойчивость и смекалку. После многих ночей поисков и скитаний герою улыбается удача, он приходит в удаленное место на торфяном болоте и незаметно приближается к фейри, которые сидят кругом и обсуждают, как им вернуть свою пропавшую сестру: *After listening a while he found that he had been correct in his surmise: they were discussing the fate of the maiden whom he had carried away from them, and he heard one of them wailing aloud, “Oh, Penelope, Penelope, my sister, why didst thou run away with a mortal?”* [12, p. 97]. / *Послушав некоторое время, он обнаружил, что был прав в своих догадках: они обсуждали судьбу девы, которую он украл. И тут он услышал, как один из них громко вскрикнул: «О, Пенелопа, Пенелопа, моя сестра, почему ты убежала со смертным?»*

Таким образом, юноша узнает «истинное» имя, и озерная дева становится его женой. Фейри приносит в дом благополучие и процветание, супруги живут в мире и согласии. В то же время дева чувствует, что не свободна – ее воля подчинена воле земного человека: *She came forward and asked in astonishment, “Oh, mortal, who has betrayed my name to thee?” Then folding her tiny hands, she exclaimed, “Alas, my fate, my fate!” But she resigned herself to her lot and took to her work as servant in earnest* [ibidem]. / *Она подошла и с удивлением спросила: «О смертный, кто выдал тебе мое имя?» Затем, сложив крошечные руки, она воскликнула: «Увы, моя судьба, моя судьба!» Однако она смирилась со своей судьбой и всерьез принялась за свои обязанности.*

Эта сказка – яркий пример контагиозной магии, чьей задачей является колдовской любовный приворот. Узнав имя героини, юноша привораживает деву, получает власть над ее чувствами и помыслами, их судьбы навсегда оказываются связанными. Одно слово – имя героини – оказывается могущественным способом влияния на судьбу, оно производит неотразимое магическое воздействие.

Таким образом, сюжеты британских сказок донесли до нас архаические представления о магической силе имени. Своеобразие воплощения этих воззрений заключается в том, что имя в британских сказках воспринимается не как абстрактное слово, а как физическая и мистическая часть своего носителя, неразрывно с ним связанная, определяющая его значимость и силу. Воображение и творческое мышление сказочников наделили имя свойствами, которые не встречаются в магической традиции. Так, произнесение имени фейри в британских сказках способно не только освободить человека от влияния злых чар, но и раскрыть истинное «лицо» сказочного противника.

В ходе исторического развития и эволюции происходило значительное переосмысление архаических принципов, особенно тех, которые были умозрительными и непрактичными. Традицию давать детям «худые» имена, чтобы не привлекать внимание злых духов, народный вымысел трансформировал и подверг ревизии. Британские сказки стали предостерегать от подобных практик, представляя их как полудраматический, полукомический гротеск.

В целом мифологические идеи, связанные с именем, выступили базой для развития фольклора, который, в свою очередь, значительно переработал этот материал, включив в него национальную специфику, народную поэтику, выдумку, традицию аллегорий и иносказаний.

Список источников

1. Бузылева А. И. Мифы Древнего Египта: тайны богов и великой цивилизации. М.: Э, 2016. 96 с.
2. Егорова О. А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок) // *Litera*. 2018. № 3. С. 296-303.
3. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
4. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Прогресс, 1990. Т. 1. 671 с.
5. Нейхардт А. А. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М.: Правда, 1987. 576 с.
6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
7. Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: АСТ, 2006. 781 с.
8. Geoffrey A. *Mythology of the British Isles*. New edition. L.: Methuen Publishing, Ltd., 2002. 334 p.
9. Jacobs J. *English Fairy Tales*. L.: David Campbell Publishers, Ltd., 1994. 428 p.
10. Jones G. *Stories from Wales*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 240 p.
11. Simpson J., Roud S. *Dictionary of English Folklore*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 432 p.
12. Wilson B. *Stories from Scotland*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 227 p.

ORIGINAL IMPLEMENTATION OF ARCHAIC BELIEFS IN MAGIC FORCE OF A NAME IN THE BRITISH TALES

Egorova OI'ga Arsenovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
egorovaolga29@mail.ru

The article examines folkloric stories associated with archaic beliefs in magic force of a name. The author reveals the specificity of their implementation and transformation in the British tales. For the first time in domestic and foreign science, the author traces mythological origins of these beliefs from their appearance in antiquity till the moment they were used in the tales. The paper concludes that mythological conceptions about the meaning of a name were assimilated and interpreted in the British fairy-tale tradition and served as a basis of many stories. The author points out that folkloric fantasy substantially revised the principles typical of the mytho-poetical worldview; folkloric consciousness denied archaic practices representing them as tragicomic grotesque.

Key words and phrases: genesis of folklore; British tales; archaic beliefs; magic beliefs about name; mythological creatures; fairy.